

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVI СТОЛЕТИЯХ: НА ПУТИ К ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ БРЕСТСКОЙ УНИИ

Доцент протоиерей
Федор Кривонос

Белгосуниверситет (исторический факультет) — 1985, Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия — 2001, Минская Духовная Академия, кандидат богословия — 2008.

Отдельная Киевская митрополия, образовавшаяся в пределах западнорусских земель в 1458 году, непрерывно просуществовала затем до конца XVI века.

Это был очень не простой период в истории местной Церкви. В деле самоорганизации, требующем напряжения немалых сил, западнорусская Церковь оказалась предоставлена исключительно самой себе, что имело роковые для Неё последствия. Лишённая деятельного покровительства со стороны митрополитов, проживавших в Северо-Восточной Руси, которые могли бы с большей твёрдостью, чем местные архиереи, ходатайствовать о нуждах Церкви перед Великими Князьями Литовскими, Киевская митрополия попала в состояние малоблагоприятное для её развития.

Этому способствовал не только отрыв от церковной жизни, протекавшей в Московской Руси, но и то обстоятельство, что с 1453 по 1503 год (как подсчитал В.М.Лурье) в Константинополе сменилось 12 патриархов.

Каждый из них в среднем правил 2,5 года, и, естественно не мог должным образом войти в курс текущих дел, что не способствовало активной политике патриархата в отношении Киевской митрополии. Зато активность светских властей ВКЛ постоянно опережала активность патриархов¹, и это имело свои негативные последствия.

Уже начальные шаги возглавлявших Киевскую митрополию архиереев показывают, что её провозглашение было связано со стремлением первенствующих литовских князей навязать Флорентийскую унию православным жителям Великого Княжества Литовского.

При содействии Казимира Ягеллончика активным деятелем на этом лукавом попри-

ще выступил униатский митрополит Григорий Болгарин (1458 – 1472). По словам епископа Брянского Евфимия, он «воздвиг бурю и развращение на Церковь Божию», иначе говоря, стал принуждать к униии зависимое от него духовенство и мирян. За исключением владыки Евфимия, бежавшего в Москву, новоявленного униата вынуждены были поддержать восемь православных епископов, занимавшие кафедры в Великом Княжестве, но в массе своей духовенство и верующий народ униии не приняли. Иначе невозможно объяснить то обстоятельство, что спустя десять лет после воздвигнутой им «бури», а именно в 1469 году, митрополит Григорий отрёкся от униии и признал над собою власть Константинопольского Патриарха Дионисия (1466 – 1471, 1489 – 1491), ученика и последователя знаменитого Святителя Марка Эфесского (ок.1392 – 1445).

В том же 1469 году по приглашению Казимира в Великое Княжество Литовское прибыли монахи бернардинцы, основавшие в Вильно свой монастырь. В их планы входило обращение в католичество православных жителей этого города.

Несмотря на отдельные заверения в соблюдении религиозных прав своих подданных греко-восточного исповедания, Казимир не раз нарушал эти права. Когда в 1471 году умер киевский князь Симеон Олелькович и жители Киева просили назначить им в качестве воеводы родного брата покойного — князя Михаила Олельковича, он отказал им в этой просьбе и вместо православного князя посадил в Киев воеводою католика Мартина Гаштольда, что вызвало немалое возмущение киевлян. Между тем, князь Симеон на собственные средства восстановил Успенскую церковь Киево-Печерского монастыря, разрушенную татарами ещё в 1240 году. Мартин Гаштольд ни о чём подобном, конечно же, не помышлял.

После кончины митрополита Григория, последовавшей в 1472 году, Казимир под-

держал ещё одну попытку насадить униию в Великом Княжестве на этот раз с помощью епископа Смоленского Мисаила (+ 1480), возмечтавшего занять осиротевшую митрополичью кафедру.

В 1476 году этот Мисаил обратился к Римскому Папе Сиксту IV (1471 – 1484) с грамотой (эпистолией). В ней, подобострастно преклоняясь перед ним, он жаловался на притеснения претерпеваемые от латинян. «Мы видим в наших странах, — сообщалось в грамоте, — многих принадлежащих к Западной Церкви, содержащих её обычаи, из числа называющихся её пастырями, которые думают яростию умножать стадо, а только больше погубляют его, достойных предают суду, вяжут и мучат, а иных силою влекут из благочестия в благочестие, расторгая союз мира и любви завистливым гневом»².

Чтобы подобная практика прекратилась, Мисаил выражал готовность принять униию. Кроме него грамоту скрепили своими подписями только два архимандрита: Макарий, наместник Виленского Св.Троицкого монастыря и Иоанн, наместник Киево-Печерский, а также тринадцать представителей местной православной знати. Их просьбу Папа оставил безответной, так как грамоту кроме Мисаила не подписал никто из других епископов. Не созывался для принятия столь ответственного решения о переходе в униию и церковный собор.

Претензии Мисаила на занятие киевской митрополичьей кафедры отверг Константинопольский Патриарх Рафаил (1475 — начало 1476), ещё при жизни этого униатствовавшего владыки поставивший в митрополиты Киевские, отличавшегося образованностью и умом монаха Спиридона, происходившего из Твери. Приехав в Литву, последний по распоряжению Казимира был посажен в темницу. Томясь в ней, он обратился к вверенной его попе-

чению пастве с окружным посланием под названием «Изложение о православней истинней нашей вере», в котором призвал западнорусское духовенство и мирян оставаться непоколебимыми в святоотеческом исповедании.

Каким-то образом владыке Спиридону удалось освободиться из темницы и выехать в Москву. Но и там его не приняли, и он был заточён в Ферапонтов монастырь. В 1503 году этот непризнанный на Руси архипастырь составил новую редакцию Жития преподобных Зосимы с Савватия Соловецких, ознакомившись с которой знаменитый архиепископ Геннадий Новгородский отозвался о нём, как о человеке, представляющем собою «в нынешняя роды... столп церковный, понеже измлада навиче Священная Писания».

В 1480 году Казимир Ягеллончик издал указ, согласно которому православным верующим запрещалось строить новые храмы и обновлять старые, обветшавшие. «Указ этот был издан им, как свидетельствует иезуитский писатель Кулиш, по неотступным просьбам его второго сына Казимира, славившегося необыкновенной преданностью католицизму и причисленного впоследствии латинской церковью к лику святых»³.

Упоминание об указе имеется в житии королевича Казимира, которое в 1520 году составил папский нунций Захарий Феррери.

Текст данного указа, к сожалению, не обнаружен, но как видно из двух писем Римского Папы Александра VI, в 1501 году отправленных Виленскому бискупу Альбрехту Войтеху и сменившему Казимира на великокняжеском престоле Александру Ягеллончику (1492 — 1505), речь в нём шла, скорее всего, о запрещении строительства *каменных* храмов⁴. Запрещение распространялось на собственно литовские земли, а так же смежные с ними владения западнорусских феодалов⁵.

Указ вызвал недовольство среди православных Великого Княжества Литовского и породил заговор, направленный против Казимира, «во главе которого стали Слуцкий князь Михаил Олелькович, его двоюродный брат Фёдор Иванович Бельский и один из князей Гольшанских. Заговорщики задумали погубить Казимира, а если не удастся сделать это, «отсесть» от Великого Княжества со всеми землями по р.Березине и соединиться с Москвою. Заговор этот стоял в прямой причинной связи с распоряжением Казимира относительно православных церквей»⁶. Он был раскрыт и потерпел неудачу.

В 1481 году Киевскую митрополию возглавил владыка Симеон (+ 1488), до этого являвшийся епископом Полоцким. В отличие от своих предшественников: Григория и Мисаила, он не был сторонником унии.

Такой же позиции придерживались и сменившие его на митрополичьей кафедре: Иона Глезна (+ 1494) и Св.Макарий (+ 1497). К сожалению, все они возглавляли Киевскую митрополию крайне непродолжительное время и поэтому мало, что успели сделать для блага местной Церкви.

В 1492 году при митрополите Ионе Глезне умер Казимир. Занявший вместо него великокняжеский престол Александр Ягеллончик (1492 — 1506) принял на себя нелёгкое бремя управления государством в то время, когда о своих притязаниях на западнорусские земли всё настойчивее стало заявлять соседнее с Литвой — Великое Княжество Московское. Одним из аргументов оправдывающих подобную политику был религиозный, связанный с теми притеснениями, которые испытывали православные Литовской Руси со стороны местных римокатоликов и униатствовавших иерархов. В самом конце XV века их число пополнил утверждённый в 1498 году митрополитом Киевским бывший Смоленский епископ Иосиф Болгариневич (+ 1501).

По соизволению Великого Князя Александра в 1500 году Иосиф отправил грамоту Римскому Папе Александру VI Борджиа (1492 – 1503), «личные убеждения и интересы которого, — как справедливо отмечает В.М.Лурье, — вообще не соприкасались с христианством, в каком бы то ни было его понимании»⁷.

В этой грамоте он высказал пожелание о признании над Киевской митрополией власти Папы. «Мы уверены, повергаясь пред тобою на землю и целуя ноги твои, — писал Иосиф, — что ты исполнишь желание сердца нашего, утетишь нас, пребывающих в скорби, и не отвергнешь прибегающего под твоё покровительство»⁸. Кроме Иосифа грамоту не подписал больше никто.

В качестве посредника на переговоры с Александром VI (Борджиа) был отправлен родственник митрополита Иосифа — Иван Сапега (ок.1450 — 1517), при встрече с Александром VI просивший разрешить строительство каменных церквей в Великом Княжестве. Этот Сапега «ещё в 1491 году побывал в Риме, где тайно перешёл в католичество. Он вёл секретные переговоры с тогдашним папой Иннокентием VIII (1484 — 1492) о введении на Литве унии. Возможности для реализации подобных идей всё никак не открывались, и Сапега по-прежнему изображал из себя православного»⁹.

В ответных письмах Виленскому бискупу А.Войтеху и Александру Казимировичу Папа потребовал, чтобы митрополит Иосиф оставил Киевскую кафедру, полученную от Константинопольского Патриарха, и принял поставление от него. Только при этом условии могла быть заключена уния и дано папское разрешение на строительство каменных храмов греческой веры в Великом Княжестве. Условие это выполнено не было.

Провалы униатской затеи наблюдавшиеся при владыках Григории, Мисаиле и Иосифе отчасти объяснялись тем, как относились к

унии католические епископы Польши и Великого Княжества Литовского. Они выступали за то, чтобы православные полностью отказались не только от догматических особенностей своего вероучения, но также от богослужебных обрядов, свойственных им, и всецело, *во всех отношениях*, слились с римо-католиками. Подобный вариант развития событий был пока ещё невозможен.

В 1495 году Александр Казимирович вступил в брак с дочерью Великого Князя Московского Иоанна III — Еленой (1476 — 1513), прибывшей в Вильно. В костёле св. Станислава состоялось их венчание. При этом в отношении Елены был допущен акт неуважения, так как «при входе в костёл её встретил бискуп с крестом, но крестом её не благословил. При венчании молитвы для жениха читал бискуп, а для невесты поп Фома; избранный на митрополию Макарий не смел того делать по наказу великого князя, хотя был тут же»¹⁰.

Вышедший из Смоленских епископов и занявший место Макария Иосиф Болгаринич вместо поддержки, которую должен был бы оказывать Елене по долгу своего призвания, потворствовал Александру в его желании обратить Елену в латинство.

В письме придворного Елены подьячего Фёдора Шестака, в 1499 году отправленном Иоанну III, об этих событиях говорилось так: «в нашего владыку Смоленского дьявол вселился и вместе с Сапегою отметником они восстали на православную веру. Великий князь неволил государыню нашу великую княгиню Елену в проклятую латинскую веру... Да и всё наше православное христианство хотят окрестить, оттого наша Русь с Литвой в сильной вражде»¹¹.

В летописи события того времени запечатлелись в следующих словах: «...посылыла-де великий князь Александр к своей великой княгине Елене отметника православной веры Иосифа, владыку Смоленского, да би-

скупа своего Виленского, да чернецов бернардинов, чтобы приступила к римскому закону, да и к князьям русским посылал, и к виленским горожанам, и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и нудят их приступить к закону римскому»¹².

Монахи бернардинцы действительно заявили о себе в это время. В 1498 году при деятельной поддержке Александра Ягеллончика они основали свой монастырь в Полоцке. Его насельники должны были заниматься обращением «схизматиков» в латинство. Вообще, следует отметить, что Великий Князь Александр целенаправленно способствовал возведению костёлов в исконно западно-русских землях, там, где католиков почти не было¹³ и это вызывало оправданное возмущение среди православного народа.

Притеснения на религиозной почве, о которых свидетельствуют только что процитированные источники, подтверждаются и другими данными. О том, что они имели место видно из посольских речей Александра Казимировича его родному брату Владиславу, королю Венгерскому. «Вы должны, — обращался к Владиславу литовский посол, — подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой веры христианской, которая утверждена в Литовской земле трудами деда Вашего короля Владислава (Ягайло). С тех пор до последнего времени Русь покушается её уничтожить, не только Москва, но и подданные княжества литовские; на отца Вашего короля Казимира они вставали по причине веры, по той же причине встают теперь и на нас, сыновей его. Брат Ваш, Александр, некоторых из них за это казнил, а другие убежали к московскому князю, который вместе с ними поднял войну, ибо до него дошли слухи, что некоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской веры, принуждены были принять римскую»¹⁴.

Враждебное отношение латинян к православным жителям Великого Княжества

Литовского подтверждается также при знакомстве с сочинением профессора теологии Краковского университета, духовника Александра Казимировича, Яна Сакрана «О заблуждениях русских». В нём этот высокоучёный муж называет православные храмы не иначе как «синагогами» и отмечает, что когда «... Александр.. начал в своих обширных владениях кроткими (?) убеждениями обращать русских к единству Римской Церкви, князья и вожди их с яростью поспешили передаться к московскому великому князю, защитнику их схизмы...»¹⁵

Действительно в конце XV — начале XVI веков по разным подсчётам от 1/3 до 1/4 земель Великого Княжества Литовского в результате военных действий протекавших между Вильно и Москвою в 1500 — 1503 годах, отпали от Литвы и присоединились к её восточному соседу. Думается, что не последнюю роль в этом процессе сыграл факт религиозной напряжённости, ярко выраженный на фоне попыток провозглашения унии¹⁶.

В последнее время в исторической литературе с опорой на ряд польских историков (Chodyncki K. Kosciol prawoslawny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa., 1937; Tazbir J. Panstwo bez stosow. Warszawa., 1967; Ochmanski J. Biskupstwo wilenskie w sredniowieczu. Poznan., 1972) настойчиво высказывается мнение о том, что «говорить о «религиозном гнёте» в Литовском государстве эпохи Ягеллонов нет оснований. Хотя православие было там не господствующей, а только терпимой религией, эта веротерпимость была достаточно широкой; никаких насилий или репрессий против православных не было, в вопросах культа им предоставлялась полная свобода; нельзя переносить на XV — начало XVI века ситуацию конца XVI — XVII веков»¹⁷.

Бесспорно, что в рассматриваемый нами период православные жители Великого Княжества Литовского не подвергались массовым, широкомасштабным гонени-

ям подобным тем, которые наблюдались в местной истории с момента заключения Брестской церковной унии 1596 года. Однако, утверждение о том, что «никаких насилий или репрессий... не было», в свете всех вышеперечисленных фактов, на наш взгляд, является неверным.

Войны между Великим княжеством Литовским и Московской Русью способствовали тому, что в начале XVI века Православная Церковь в западнорусских землях вступила хотя и в непродолжительный, но всё же более благоприятный период своего исторического развития в сравнении со второй половиной XV столетия.

В это время местная церковная жизнь ознаменовалась целым рядом явлений, которые свидетельствуют об определённом духовном подъёме, наметившимся в ней. Чудесным образом были обретены: Новосверженская (1500), Минская (1500) и Жировицкая (между 1510 и 1520)¹⁸ иконы Божией Матери. Две последние из них сохранились до наших дней, и представляют собою одни из самых почитаемых святынь Белоруссии.

Как отмечал митрополит Макарий, «первая и весьма важная для Западнорусской Церкви перемена вследствие войны московского государя Ивана III с литовским князем Александром произошла в положении Елены... Александр начал оказывать своей супруге более внимания, нежели прежде: в 1501 г. он пожаловал ей несколько своих имений, чего прежде она напрасно у него просила... Вслед за тем он подарил ей ещё собственное, хотя и небольшое, село Тростенец близ Минска, которое Елена тогда же (17 января 1502 г.) записала на минский Вознесенский монастырь... Потому в следующем году, перед заключением перемирия между Москвою и Литвою Елена не без основания писала к отцу... что муж её любит и жалуется и даёт ей волю держаться греческого закона... По заключении

перемирия (1503) Александр сделал своей супруге ещё более значительный подарок: записал за нею в пожизненное владение город, или замок, Могилёв со всеми его областью и крестьянами»¹⁹.

В 1501 году умер или как выражается летописец «изменился живота» митрополит Иосиф Болгаринович. Спустя пять лет из жизни ушёл Великий Князь-король Александр.

Польским королём и одновременно Великим Князем Литовским был избран Сигизмунд I Старый (1506 — 1548). И вплоть до конца XVI столетия в Литовском государстве не предпринималось больше попыток насаждения унии среди православных. «Урад Жыгімонта I Старога ўлічыў памылкі сваіх папярэднікаў і не паўтараў іх. Пытанне пра унію з рымскай царквою было зусім адкінута, і гэта дало ўраду трывалую апору ў яго барацьбе з Масквой»²⁰ — писал выдающийся белорусский историк М.В.Довнар-Запольский.

В 1503 году по ходатайству Елены Иоанновны на Киевскую митрополичью кафедру был поставлен её духовник, настоятель минского Вознесенского монастыря архимандрит Иона (+ 1507), по выражению А.В.Карташёва: «человек простого благочестия в твёрдом православном духе... фигура, символизирующая временную победу над униатской интригой и мир с Москвой»²¹.

Митрополит Иона первосвященствовал до 1507 года. После него местную Церковь возглавил бывший Смоленский епископ Иосиф II Солтан (1507 — 1522), проявивший особое старание и большую активность в стремлении лучше организовать церковную жизнь в Великом княжестве Литовском. Он «был русским аристократом, сородичем родовитых панов и богатым человеком. Это дало ему чувство независимости в его церковной карьере. В 1502 году при осаде Смоленска московскими войсками, Иосиф как местный епи-

скоп оказал патриотическую услугу королю Александру, который затем наградил его новыми земельными владениями и естественно выдвинул на пост митрополита»²².

В 1509 году Иосиф Солтан созвал в Вильно церковный собор, в работе которого приняли участие все западнорусские епископы и наиболее видные представители духовенства. На соборе было обращено особое внимание на те злоупотребления, которые проявились в церковной жизни по причине вмешательства в неё светских лиц, так как «некоторые православные князья и паны, пользуясь в своих имениях правом подавания, т.е. избрания и назначения священников к приходским церквям, сами потом и отнимали эти церкви у священников без ведома епархиального архиерея. Другие по небрежности долго оставляли в своих имениях приходские церкви без священников. Иные приказывали священникам священнодействовать в их церквях без благословения архиерейского. Ещё некоторые отнимали у церквей имения и другие церковные вещи»²³.

Сигизмунд I Старый специальной грамотой изданной в 1511 году гарантировал, что впредь местные землевладельцы (не только православные, но и католики) не будут вмешиваться в церковную жизнь. Однако это постановление редко соблюдалось в то время.

В 1514 году митрополит Иосиф созвал в Вильно ещё один собор, принявший решение о канонизации преподобного Елисея Лавришевского, жившего в XIII веке.

Наряду с Иосифом Солтаном весьма деятельное участие в жизни западнорусской Церкви начала XVI столетия принимали некоторые православные магнаты. Среди них особенно выделяются имена маршалка ВКЛ, новогрудского воеводы Александра Ивановича Ходкевича (ок.1457 — 1549) и великого гетмана ВКЛ, вольнского кня-

зя Константина Ивановича Острожского (ок.1460 — 1530).

В 1498 году Александр Ходкевич основал в своём имении Грудеке монастырь, спустя два года перенесённый на реку Супрасль. Там в начале XVI века был возведён каменный храм Благовещения Пресвятой Богородицы, освящённый Иосифом Солтаном. В этом храме имелось два придела: преподобного Феодосия Печерского и святых страстотерпцев Бориса и Глеба, что недвусмысленно свидетельствует о духовной преемственности западнорусских земель с Киевской Русью.

В 1511 году князь Константин Иванович Острожский исходатайствовал у короля Сигизмунда I разрешение на обновление Пречистенского кафедрального собора в Вильно, центральный купол которого рухнул, а стены пришли в негодность. После победы, одержанной над войсками Московской Руси под Оршей (1514 г.), на его же средства в Вильно возвели ещё две каменные церкви: Св.Троицкую и Св.Николаевскую. В Новогородке вместо старой, воздвигнутой в XII ст., князь-благодетель выстроил новый Св.Борисоглебский каменный храм.

Наметившийся подъём в сфере православного храмового зодчества сильно взволновал местных католиков. Профессор Б.Н.Флоря в своих комментариях к V книге «Истории Русской Церкви» митрополита Макария в этой связи отмечает следующее обстоятельство: «Папский легат Яков Пизо, побывавший в Вильно в 1514 г., с тревогой сообщал папе, что православные строят богато украшенные каменные храмы, хотя ранее должны были довольствоваться деревянными. Как важную новость это отметил и придворный хронист Сигизмунда I Иодок Деций (Fijalek. Opisy Wilna. S. 137 — 138).

Такая реакция говорит о том, что запрет до 1514 г. соблюдался, по крайней мере, в столице великого княжества. В 1527 г.

собравшееся в Ленчице на синод католическое духовенство Гнезненской провинции приняло решение требовать от короля возобновить на территории Виленской епископии действие запрета на строительство православных храмов, а церкви, построенные в нарушение этого запрета, разрушить (Sawicki J. *Consilia Poloniae*. Warszawa. 1948. Т. 2. S. 13)²⁴.

Это требование осталось без удовлетворения, но оно ясно свидетельствует о том, насколько злобно и непримиримо был настроен латинский клир к православным Великому Княжеству Литовского.

Среди каменных храмов, в начале XVI столетия украсивших собою земли ВКЛ нельзя не упомянуть церкви: Св.Николая в Бресте (не сохранилась), Рождества Пресвятой Богородицы в Маломожейкове (недалеко от Лиды) и Св.Архистратига Михаила в Сынковичах (поблизости от Слонима)²⁵. Они представляли собой культовые сооружения, возведенные в стиле поздней готики.

Очевидно, что прежняя традиция строительства православных храмов в виде крестовокупольных зданий была забыта к этому времени в западнорусских землях за предшествовавшие века, метко названные А.В.Карташёвым «сонными столетиями»²⁶. Поэтому изначально православные храмы строились в это время в духе ранее несвойственной им западноевропейской архитектурной традиции.

Возрождение монументального каменного зодчества, наметившееся в лоне Православной Церкви Великого Княжества Литовского, несмотря на формально сохранявшийся запрет от 1480 года, стало возможным, прежде всего, по причине череды разорительных войн (1500 – 1503, 1507 – 1508, 1512 – 1522, 1534 – 1537), которые ВКЛ вело с Московским государством в первой трети XVI века. Неукоснительное соблюдение этого запрета могло пагубно повлиять

на ход военных действий, которые и без того протекали не лучшим для ВКЛ образом. Наверное, поэтому о запрете предпочли забыть, да так основательно, что и сам документ, некогда провозглашавший позорный запрет, до сих пор остаётся неизвестен..

После Иосифа Солтана Киевскую митрополию кафедру занимали иерархи, не отличавшиеся особыми дарованиями.

В 1522 году на неё возвели Иосифа III (+ 1534), бывшего до этого архиепископом Полоцким. В 1534 году митрополитом поставили Макария II (+ 1555), в прошлом — придворного священника Великой княгини Елены Иоанновны, а накануне поставления на Киевскую митрополию — епископа Луцкого и Острожского. Оба они были привержены православию, но по большому счёту себя никак не проявили.

Большим потрясением для церковной жизни Великого Княжества Литовского стало широкое распространение в середине XVI века в его пределах кальвинизма. При Сигизмунде I Старом этот процесс протекал ещё не так явно, но в годы правления его сына Сигизмунда II Августа (1548 – 1572) он обнаружил себя с особой силой. Многие представители православной знати (Ходкевичи, Воловичи, Горские, Вишневецкие), увлечённые этим реформационным течением, оставляли веру своих предков. Подобное же явление ещё в более широком масштабе наблюдалось и среди католиков.

Сигизмунд II, питавший симпатии к реформаторам, читавший сам и дававший читать другим сочинения Лютера и Кальвина, попустительствовал новоявленным еретикам.

Наибольшее старание в деле распространения кальвинизма проявили такие крупные магнаты ВКЛ, как Николай Радзивилл Чёрный (1515 – 1565) и его двоюродный брат Николай Радзивилл Рыжий (1512 – 1584). Их сестра Варвара была замужем за

Сигизмундом II, и это обстоятельство ещё более усиливало позиции её братьев при великокняжеском дворе.

Под их покровительством бурную деятельность развернул реформаторский пастырь из Клецка Симон Будный (ок.1503 — 1593). В 1562 году он издал в Несвиже катехизис, выдержанный в кальвинистском духе. Разъезжая по Новогрудскому воеводству, разорил множество православных церквей. В дальнейшем перешёл в ряды антитритариев, отрицавших основные догматы христианской веры.

Кальвинисты учили, что одни люди заранее предопределены Богом ко спасению, а другие, несмотря ни на какие добродетели — к вечной гибели. Показателем же того спасётся тот или иной человек, является то, как он преуспевает в земной жизни в материальном отношении. Естественно, что подобное псевдоверование (по существу ничего общего с христианством не имевшее), импонировало многим представителям правящего класса местного общества, имевшим весомый материальный достаток. Но это же учение совершенно обезмысливало жизнь тех, кто подобного достатка не имел, хотя и жил, в отличие от многих богатых, отнюдь не безнравственно²⁷.

В полемику с кальвинистами и антитритариями вступили князь Андрей Курбский (1528 — 1583) и старец Артемий (+ нач.1570-х), бежавшие из Московской Руси в Великое Княжество Литовское.

Известный богослов прот.Георгий Флоровский так характеризовал их деятельность: «Среди западно русских писателей XVI века особо нужно отметить московских изгнанников... Это — старец Артемий и князь А.М.Курбский... Особенно интересны послания Аретимия к Симону Будному... В них поражает дух терпимости, дух евангельской кротости... По условиям полемики Артемий больше всего должен был го-

ворить об обрядах, о внешнем благочестии вообще. Но сам он очень далёк от всякого обрядоверия. Для него христианство есть прежде всего внутреннее делание... аскетический подвиг, путь безмолвия и собирания духа... В другом стиле действовал Курбский. Он не вёл прямой полемики. Встревоженный успехом “скверных ересей”, он не менее был встревожен безпечностью и неподготовленностью православных... И прежде всего ревновал об общем укреплении православного сознания. Для этого он звал вернуться к истокам... Курбский был ревнителем отеческих преданий. Его смущало (и возмущало), что православные так мало знают и мало читают творения святых отцов... Курбский не был только книжником или эрудитом. У Курбского было живое чувство современности. Он стремился к творческому обновлению отеческих преданий, к оживлению и продолжению византийской традиции»²⁸.

К этому времени, однако, православные жители Великого Княжества Литовского оказались не готовы последовать призывам старца Артемия и Андрея Курбского, ибо к середине XVI века местная церковная жизнь в значительной степени была парализована злоупотреблениями со стороны светских властей правом патроната, когда церковные должности раздавались (а то и продавались) за военные или какие-нибудь другие заслуги гражданским лицам.

Управляя епархией или монастырём, эти лица некоторое время могли не принимать даже священного сана. Но и после принятия его, они думали прежде всего о том, как-бы им побольше обогатиться за счёт церковных имений, и, конечно не помышляли о какой-либо духовной жизни ни своей, ни вверенной им паствы.

Не лучшим образом выглядело во второй половине XVI столетия и православное духовенство. По словам академика Е.Ф.Карского, его представители, «будучи

невысокого умственного развития и отличалась иногда сомнительной, а ещё чаще предосудительной нравственностью, больше заботились о мирских удобствах и развлечениях, нежели о своей духовной пастве. Даже монастыри, которые в Древней Руси всегда были рассадниками просвещения, здесь, за исключением двух-трёх (Супрасльского, Виленского Св.-Троицкого, Виленского Св.-Духова), также в большинстве случаев находились в запустении»²⁹.

Такое положение дел крайне отрицательно влияло на общество, развращало многих людей и отталкивало их от Церкви. Возникновение подобной ситуации в значительной степени стало возможным благодаря тому, что «учреждение патроната развилось в стране, где правительство было не православное и Православная Церковь не была господствующей»³⁰.

Перешедшая вначале в кальвинизм, недавняя православная знать под влиянием прибывших в 1569 году в Вильно иезуитов вскоре обратилась в католичество. В результате этого простой верующий народ потерял целый ряд именитых магнатов, которые ему ранее покровительствовали. Теперь, приняв римокатолицизм, эти магнаты более жестоко стали относиться к своим подданным, в массе своей пребывавшим в крепостной зависимости.

По свидетельству современников (например, Сигизмунда Герберштейна) эта зависимость отличалась особой жестокостью и бесчеловечностью. Самым убедительным подтверждением данного исторического факта является то, что: общеславянское название сельских жителей — «смерды», сменившееся в Северо-Восточной Руси на «крестьяне» — «христиане», в Великом Княжестве Литовском было заменено уничижительным термином «хлоп» — «раб».

Как справедливо Я. И. Трещенок, это «штрих многозначительный: христианин — человек, исповедующий общую с господином веру,

хлоп — раб. Таких рабов с течением времени паны всё чаще именовали уже не людьми, а «быдлом», скотом...

Крестьянство юридически было низведено до рабского состояния. Даже жизнь крестьянина не гарантировалась законом. Сеймовое постановление 1573 г. гласило: «шляхциц кожны права маець подданных сваех судити, рядити, водле бачення и воли своее горлом карати» (предавать смертной казни). Это постановление было закреплено третьим Литовским Статутом 1588 года... Подобных порядков не существовало ни в одном другом крепостническом государстве»³¹.

В 1558 — 1583 годах Великое Княжество Литовское пребывало в состоянии войны с Московским государством. Угроза поражения в этой войне заставила правящие круги ВКЛ пойти на заключения Люблинской унии 1569 года, по условиям которой Литва и западнорусские земли объединялись с Польшей в единое государство.

Конечно, такое объединение ещё более усугубило положение православных верующих. Не случайно, под конец войны покровительствовавший иезуитам, польский король Стефан Баторий (1576 — 1586) издал привилей, по условиям которого у православных жителей Полоцка в пользу иезуитов изымались все храмы и монастыри (!) за исключением Софийского собора»³².

В том же году Ст. Баторием была предпринята попытка заставить православных подданных Речи Посполитой перейти на новый Григорианский календарь. Однако она потерпела неудачу...

Последние из митрополитов, призванные духовно окормлять православных жителей ВКЛ, представляли из себя достаточно посредственных, если не сказать хуже, деятелей.

В 1556 — 1567 годах Киевскую митрополию возглавлял Сильвестр Белькевич, по-

началу остававшийся светским лицом, а затем возведённый в митрополиты сразу из мирян. «Он не мог ничего противопоставить злу, распространявшемуся в западно-русской церкви, ни образования, ни пастырской ревности и чистоты... Если уж митрополия превратилась в подавание за гражданские заслуги, то монастыри и церкви почти сплошь обращены были в доходные статьи»³³.

В 1568 — 1577 годах Киевскую кафедру занимал митрополит Иона Протасевич-Островский. «В первый же год по вступлении своём в управление, он подал королю просительные пункты о нуждах православной церкви в Литве и русских областях Польши: но по одним пунктам приказано было обратиться к общим судам, то есть польским, по другим ответ отложен “на инший час”»³⁴.

В конце своей жизни митрополит Иона за приличное вознаграждение продал возможность занятия кафедры тогда ещё мирянину Илье Якимовичу Куче, происходившему из шляхты. Этот Куча после смерти своего предшественника был возведён в митрополиты.

Его сменил Онисифор по прозвищу Девочка, двоеженец, человек сомнительной веры, как о нём отзывались современники.

Затем на горизонте исторической жизни появился отступник Михаил Рогоза, подписавший позорный акт, провозглашавший введение Брестской унии...

Таким образом, мы должны констатировать то печальное обстоятельство, что Православная Церковь в Великом Княжестве Литовском к концу XVI века оказалась крайне ослабленной в своём дальнейшем развитии. Её духовенство и паства не смогли самоорганизоваться в составе Киевской митрополии, достойно решить те проблемы, которые обременяли собою жизнь местной Церкви. Проживая в го-

сударстве, во главе которого находились римо-католики, православное народонаселение ВКЛ, лишённое заступничества со стороны митрополитов Северо-Восточной Руси, и по большому счёту изолированное от деятельного участия в их церковной жизни Константинопольских патриархов, хотя и сумело противостоять попыткам насаждения унии во второй половине XV века, в дальнейшем не выдержало постигшие его испытания, что и привело в конечном итоге к заключению унии в Бресте в 1596 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лурье В.М. Русской православие между Киевом и Москвой. — М., 2009. — С.56.

² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. — Книга пятая. — М., 1996. — С.43.

³ Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. — Мн., 2002. — С. 45.

⁴ Макарий (Булгаков). — Указ.,соч. — Кн.пятая — С. 73, 74.

⁵ Васильевский В.Г. История города Вильны. — СПб., 1864. — С.23.

⁶ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — СПб., 2004. — С. 208.

⁷ Лурье В.М. Указ.соч. — М., 2009. — С.98.

⁸ Макарий (Булгаков). — Указ.соч., — Кн.пятая — С.71.

⁹ Лурье В.М. — Указ.соч., — С.95.

¹⁰ Макарий (Булгаков). — Указ.соч., — Кн.пятая — С.63.

¹¹ Там же. — С.68.

- ¹² Там же. — С.69.
- ¹³ Pappee F. Aleksander Yagiellonczyk. — Krakow., 1949. — S. 19 — 21.
- ¹⁴ С.М.Соловьёв. Сочинения. Книга III. — М., 1989. — С. 113.
- ¹⁵ Макарий (Булгаков), митрополит — Указ. соч. — Кн.пятая — С. 92.
- ¹⁶ Лурье В.М. — Указ.соч., — С.97.
- ¹⁷ М.М.Кром. Меж Русью и Литвой. — М., 1995. — С. 69.
- ¹⁸ Попов В.В. Явление чудотворной иконы Божией Матери «Жировичская» по письменным источникам XVI — XVII вв. // Минские Епархиальные Ведомости. 2004., № 1(68). С. 62.
- ¹⁹ Макарий (Булгаков), митрополит. — Указ. соч.— Кн.пятая — С. 97.
- ²⁰ Доўнар-Запольскі. Гісторыя Беларусі. — Мн., 1994. — С. 94.
- ²¹ Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. — Мн., 2007. — Т.1. — С.596.
- ²² Там же. — С.598.
- ²³ Макарий (Булгаков), митрополит. — Указ. соч. — Кн.пятая — С. 109.
- ²⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. — Указ.соч. — Кн.пятая — С.442 — 443.
- ²⁵ Последний из упомянутых нами храмов был достроен к началу XVI века. В основе же своей он являлся крепостью, и как таковой был возведён значительно раньше, где-то в начале XIV столетия. Об этом свидетельствуют латиноязычные надписи, обнаруженные на стенах Сынковичского храма. Они датируются 1347 и 1352 годами. В них упоминается имя Ольгерда (Протоиерей Виталий Антоник, профессор Мин ДА и С. Судьбы Сынковичского храма // Минские Епархиальные Ведомости. — 2010., № 4. — С.92 — 95).
- ²⁶ Карташёв А.В. Указ.соч. — Том 1. — Мн., 2007. — С 640.
- ²⁷ Шафаревич И.Р. Духовные основы Российского кризиса XX века. — М., 2001. — С.9.
- ²⁸ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. — Вильнюс., 1991. — С.31 — 33.
- ²⁹ Карский Е.Ф. Белорусы. — Мн., 2007. — Том 3. Книга вторая. — С.10.
- ³⁰ Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. — СПб., 1882. — Часть первая. — С.197.
- ³¹ Трещенок Я.И. История Беларуси. Досоветский период. — Могилёв., 2004. — Часть первая. — С. 89,91.
- ³² Сапунов А. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времён до половины XIX века. — Витебск., 1889. — С.55.
- ³³ Чистович И. — Указ. соч. — С.140 — 141.
- ³⁴ Там же. — С.141.